

УДК 811.111(075)
ББК 81.2Англ-93
Д40

Перевод с английского *Е. Кудашевой*
Составление словаря, упражнений и комментариев *В. Ильченко*
Иллюстрации *Е. Пуляевой*
Иллюстрация на обложке *В. Тимофеевой*
Дизайн обложки *Ю. Щербакова*

Джером, К. Джером.
Д40 Трое в лодке, не считая собаки: лучшие главы : [парал. текст на англ. и рус. яз. : учебное пособие] / Джером К. Джером ; [пер. с англ. Е. Кудашевой ; словарь, упражнения, комментарии В. Ильченко; ил. Е. Пуляевой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 224 с. + CD. — (Билингва. Слушаем, читаем, понимаем).

ISBN 978-5-699-80645-4

В этом комплекте из книги и аудиодиска собраны неадаптированные тексты самых комичных и любимых читателями эпизодов знаменитого романа. Самые смешные главы, самые невероятные приключения и самые яркие моменты помогут читателям усовершенствовать свой английский с улыбкой. Сравнивая тексты с русскими переводами, читатели научатся лучше понимать и передавать юмор, в том числе «непереводимую» игру слов. Рассказы можно также прослушать на диске в исполнении англоязычного и русского дикторов. Для углубления знаний английского и облегчения понимания текста предлагаются упражнения и словарь.

Книга будет интересна и полезна старшим школьникам, абитуриентам, студентам, преподавателям, а также всем, кто изучает английский язык самостоятельно.

УДК 811.111(075)
ББК 81.2Англ-93

ISBN 978-5-699-80645-4

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Учебное издание

БИЛИНГВА. СЛУШАЕМ, ЧИТАЕМ, ПОНИМАЕМ

Джером, К. Джером

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Лучшие главы

Ответственный редактор *Н. Уварова*
Редакторы *А. Ивахненко, Я. Загорюлько*
Художественный редактор *Ю. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. Рыбин*
Корректоры *Н. Кравченко, Н. Станибула*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7(495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru. сайт: www.kanc-eksmo.ru

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 28.04.2015. Формат 60x90^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0.
Тираж экз. Заказ

В электронном виде книги издательства Эксмо Вы можете
читать на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

Contents

PREFACE	
Предисловие	4
CHAPTER I	
Глава I.	6
CHAPTER III	
Глава III.	32
CHAPTER IV	
Глава IV.	50
CHAPTER VI	
Глава VI.	78
CHAPTER XIV	
Глава XIV.	104
CHAPTER XVII	
Глава XVII.	132
CHAPTER XIX	
Глава XIX.	152
ACTIVITIES	
Упражнения	176
ENGLISH-RUSSIAN VOCABULARY	
Англо-русский словарь	205

Three Men in a Boat

Preface

The chief beauty of this book lies not so much in its literary style, or in the extent and usefulness of the information it conveys, as in its simple truthfulness. Its pages form the record of events that really happened. All that has been done is to colour them; and, for this, no extra charge has been made. George and Harris and Montmorency are not poetic ideals, but things of flesh and blood — especially George, who weighs about twelve stone. Other works may excel this in depth of thought and knowledge of human nature; other books may rival it in originality and size; but, for hopeless and incurable veracity, nothing yet discovered can surpass it. This, more than all its other charms, will, it is felt, make the volume precious in the eye of the earnest reader; and will lend additional weight to the lesson that the story teaches.

London, August, 1889.

Трое в лодке, не считая собаки

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главная красота этой книги заключается не столько в ее литературном слоге или в количестве и полноте содержащихся в ней сведений, сколько в ее простодушной правдивости. Страницы ее являются записью действительных событий. Оставалось только слегка расцветить их; но за это не взималось дополнительной платы. Джордж, Гаррис и Монморанси — не поэтические идеалы, но существа из плоти и крови, — в особенности Джордж, который весит около ста семидесяти фунтов. Другие сочинения могут превзойти это глубиной мысли и знания человеческой природы; могут соперничать с ним оригинальностью и размерами; но в отношении безнадежной и неисправимой правдивости ничто из донныне открытого не в состоянии превзойти его. Более всех прочих его прелестей упомянутое свойство увеличит ценность этим рассказам в глазах вдумчивого читателя и придаст лишний вес уроку, преподанному им.

Лондон, август, 1889

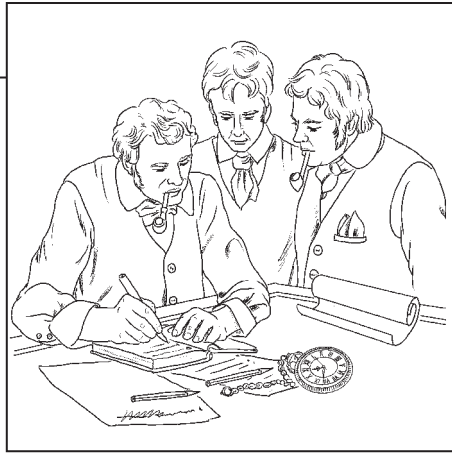

Chapter I

Three invalids. — Sufferings of George and Harris. — A victim to one hundred and seven fatal maladies. — Useful prescriptions. — Cure for liver complaint in children. — We agree that we are overworked, and need rest. — A week on the rolling deep? — George suggests the River. — Montmorency lodges an objection. — Original motion carried by majority of three to one.

There were four of us — George, and William Samuel Harris, and myself, and Montmorency. We were sitting in my room, smoking, and talking about how bad we were — bad from a medical point of view I mean, of course.

We were all feeling seedy, and we were getting quite nervous about it. Harris said he felt such extraordinary fits of giddiness come over him at times, that he hardly knew what he was doing; and then George said that *he* had fits of giddiness too, and hardly knew what *he* was doing. With me, it was my liver that was out of order. I knew it was my liver that was out of order, because I had just been reading a patent liver-pill circular, in which were detailed the various symptoms by which a man could tell when his liver was out of order. I had them all.

Глава I

Трое больных. — Страдания Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Полезные рецепты. — Исцеление болезней печени у детей. — Мы сходимся на том, что переутомились и нуждаемся в отдыхе. — Неделя на волнующейся пучине. — Джордж предлагает реку. — Монморанси заявляет протест. — Первоначальное предложение принимается большинством трех голосов против одного.

Нас было четверо — Джордж, Вильям Сэмюел Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, покуривая и толкуя о том, как мы плохи, — разумеется, я хочу сказать с медицинской точки зрения.

Все мы расклеились и серьезно этим озаботились. Гаррис объявил, что на него временами находят такие необычайные приступы головокружения, что он сам не знает, что делает; а потом Джордж сказал, что с ним случаются также припадки головокружения, и тогда он едва знает, что делает. Что до меня, у меня была не в порядке печень. Знал же я это потому, что только что прочел рекламу патентованных пилюль для печени, в которой описывались различные симптомы, помогающие человеку распознать, что его печень не в порядке. У меня имелись все до одного.

It is a most extraordinary thing, but I never read a patent medicine advertisement without being impelled to the conclusion that I am suffering from the particular disease therein dealt with in its most virulent form. The diagnosis seems in every case to correspond exactly with all the sensations that I have ever felt.

I remember going to the British Museum one day to read up the treatment for some slight ailment of which I had a touch — hay fever, I fancy it was. I got down the book, and read all I came to read; and then, in an unthinking moment, I idly turned the leaves, and began to indolently study diseases, generally. I forget which was the first distemper I plunged into — some fearful, devastating scourge, I know — and, before I had glanced half down the list of “premonitory symptoms,” it was borne in upon me that I had fairly got it.

I sat for awhile, frozen with horror; and then, in the listlessness of despair, I again turned over the pages. I came to typhoid fever — read the symptoms — discovered that I had typhoid fever, must have had it for months without knowing it — wondered what else I had got; turned up St. Vitus’s Dance — found, as I expected, that I had that too, — began to get interested in my case, and determined to sift it to the bottom, and so started alphabetically — read up ague, and learnt that I was sickening for it, and that the acute stage would commence in about another fortnight. Bright’s disease, I was relieved to find, I had only in a modified form, and, so far as that was concerned, I might live for years. Cholera I had, with severe complications; and diphtheria I seemed to have been born with. I plodded conscientiously through the twenty-six letters, and the only malady I could conclude I had not got was housemaid’s knee.

I felt rather hurt about this at first; it seemed somehow to be a sort of slight. Why hadn’t I got housemaid’s knee? Why this invidious reservation? After a while, however, less grasping

Странное дело: я не могу прочесть ни одного объявления о каком-нибудь новоизобретенном средстве от той или иной болезни, не убедившись в то же время, что я страдаю ею, и притом в самой злокачественной форме.

Я всегда нахожу у себя все ее признаки и симптомы.

Помню как-то раз, чувствуя себя не совсем здоровым (кажется, это была простая лихорадка), я пошел в библиотеку Британского музея посмотреть в медицинском словаре, какими средствами нужно лечиться от лихорадки. Я добыл книгу и вычитал все, что мне было нужно, затем, от нечего делать, начал перелистывать ее дальше, изучая разные болезни. Не припомню теперь, что первое попало мне на глаза, знаю только, что это был какой-то страшный, губительный недуг, один из бичей человечества. Еще не дочитав до конца описи симптомов болезни, я уже убедился, что она гнездится в моем теле.

Оледенев от ужаса, я несколько минут сидел без движения, потом с горя начал перелистывать дальше. Напал на тифозную горячку, просмотрел симптомы и обнаружил, что я, несомненно, болен тифом, болен уже несколько месяцев, сам того не зная! Надо посмотреть, нет ли еще чего? Дошел до пляски святого Витта — так и есть, и тут все признаки налицо. Это меня заинтересовало, и я решил узнать всю правду до конца. Прочел о перемежающейся лихорадке и узнал, что болен и ею, но острый период наступит только через две недели. Брайтова болезнь у меня была, но, к счастью, в измененной форме: с этим можно еще жить, и довольно долго. Зато холера оказалась у меня с тяжелыми осложнениями, а дифтерит, должно быть, у меня был врожденный. Словом, я добросовестно перебрал все болезни по алфавиту и пришел к заключению, что у меня нет только одной — хронической язвы голени!

Вначале я даже немного обиделся, точно мне оказали неуважение. Что за гнусность! Почему бы у меня не быть и хронической язвы голени? Почему она должна составлять

feelings prevailed. I reflected that I had every other known malady in the pharmacology, and I grew less selfish, and determined to do without housemaid's knee. Gout, in its most malignant stage, it would appear, had seized me without my being aware of it; and zymosis I had evidently been suffering with from boyhood. There were no more diseases after zymosis, so I concluded there was nothing else the matter with me.

I sat and pondered. I thought what an interesting case I must be from a medical point of view, what an acquisition I should be to a class! Students would have no need to "walk the hospitals," if they had me. I was a hospital in myself. All they need do would be to walk round me, and, after that, take their diploma.

Then I wondered how long I had to live. I tried to examine myself. I felt my pulse. I could not at first feel any pulse at all. Then, all of a sudden, it seemed to start off. I pulled out my watch and timed it. I made it a hundred and forty-seven to the minute. I tried to feel my heart. I could not feel my heart. It had stopped beating.

I have since been induced to come to the opinion that it must have been there all the time, and must have been beating, but I cannot account for it. I patted myself all over my front, from what I call my waist up to my head, and I went a bit round each side, and a little way up the back. But I could not feel or hear anything. I tried to look at my tongue. I stuck it out as far as ever it would go, and I shut one eye, and tried to examine it with the other. I could only see the tip, and the only thing that I could gain from that was to feel more certain than before that I had scarlet fever.

I had walked into that reading-room a happy, healthy man. I crawled out a decrepit wreck.

исключение? Однако, поразмыслив немного, я успокоился. Ведь, кроме нее, у меня были все болезни, известные в медицине. Надо умерить свой эгоизм и как-нибудь обойтись без хронической язвы голени. Злостная подагра уже давно терзала меня, а я даже и не подозревал о ее присутствии. Это была последняя болезнь, описанная в лексиконе, так что и болеть мне больше было нечем.

Я сидел и раздумывал о том, какой я интересный субъект с медицинской точки зрения и какой находкой был бы я для медицинского факультета. Студентам не пришлось бы бегать по госпиталям — я один стою целого госпиталя! Студентам достаточно было бы изучить одного меня, чтобы сдать экзамен и получить докторский диплом.

Далее я задался вопросом: много ли еще мне осталось жить? Я попробовал сам себя исследовать. Стал щупать пульс, но сначала не мог даже найти его. Потом пульс вдруг забился, и очень сильно. Я вынул часы, стал считать и насчитал 147 ударов в минуту. Попытался выслушать сердце, но и сердца не мог найти. Оно перестало биться.

В конце концов я поневоле пришел к убеждению, что оно все время оставалось на месте и, следовательно, должно было биться. Но найти его я все же не мог, почему — объяснить не сумею. Я ощупал свою грудь, начиная с того места, которое я называю своей талией, и вплоть до головы, ощупал бока, даже закладывал руку за спину — все напрасно! Я ничего не чувствовал и не слышал. Оставалось осмотреть язык. Я высунул его, насколько мог, закрыл один глаз и начал присматриваться другим. Виден был самый кончик. Из этого осмотра я вынес только одно: окончательное убеждение в том, что у меня скарлатина!

Я вошел в читальню здоровым, счастливым человеком, а вышел из нее, еле волоча ноги, дряхлой развалиной.

I went to my medical man. He is an old chum of mine, and feels my pulse, and looks at my tongue, and talks about the weather, all for nothing, when I fancy I'm ill; so I thought I would do him a good turn by going to him now. "What a doctor wants," I said, "is practice. He shall have me. He will get more practice out of me than out of seventeen hundred of your ordinary, commonplace patients, with only one or two diseases each."

So I went straight up and saw him, and he said:

"Well, what's the matter with you?"

I said:

"I will not take up your time, dear boy, with telling you what is the matter with me. Life is brief, and you might pass away before I had finished. But I will tell you what is *not* the matter with me. I have not got housemaid's knee. Why I have not got housemaid's knee, I cannot tell you; but the fact remains that I have not got it. Everything else, however, I *have* got."

And I told him how I came to discover it all.

Then he opened me and looked down me, and clutched hold of my wrist, and then he hit me over the chest when I wasn't expecting it — a cowardly thing to do, I call it — and immediately afterwards butted me with the side of his head. After that, he sat down and wrote out a prescription, and folded it up and gave it me, and I put it in my pocket and went out.

I did not open it. I took it to the nearest chemist's, and handed it in. The man read it, and then handed it back. He said he didn't keep it.

I said:

"You are a chemist?"

Я немедленно отправился к своему доктору. Мы с ним старые друзья. Когда мне кажется, что я болен, он щупает у меня пульс, смотрит язык, болтает о погоде и не берет денег; поэтому я решил, что мне, по всей справедливости, следует пойти к нему и теперь. Я говорил себе: «Что нужно доктору? Практика. Я дам ему практику. В смысле практики я стою сотни обыкновенных пациентов, у которых не бывает больше, чем по одной, по две болезни!»

Итак, я отправился прямо к нему. Прихожу. Он спрашивает:

— Ну-с, что с вами такое?

— Милый друг, — говорю я, — не хочу отнимать у вас золотого времени и потому не стану рассказывать, что со мной. Жизнь коротка, и вы можете умереть раньше, чем я кончу. Я лучше скажу вам, чем я не болен. Я не болен хронической язвой голени. Почему я ею не болен, сказать не сумею, но факт остается фактом — этой болезни у меня нет. Зато все остальное налицо.

И я рассказал ему, как я пришел к такому заключению.

Доктор велел мне расстегнуться, смерил меня взглядом, завладел моей рукой, стукнул меня по груди в такой момент, когда я этого вовсе не ожидал (по-моему, это низость), и сейчас же вслед за тем боднул меня головой в бок. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и подал мне, а я, не читая, сунул его в карман и ушел.

Войдя в первую попавшуюся аптеку, я подал рецепт провизору. Он прочел и возвратил мне его обратно, говоря, что «этого они не держат».

— Как, разве здесь не аптека?

He said:

“I am a chemist. If I was a co-operative stores and family hotel combined, I might be able to oblige you. Being only a chemist hampers me.”

I read the prescription. It ran:

“1 lb. beefsteak, with 1 pt. bitter beer every 6 hours. 1 ten-mile walk every morning.

1 bed at 11 sharp every night. And don't stuff up your head with things you don't understand.”

I followed the directions, with the happy result — speaking for myself — that my life was preserved, and is still going on.

In the present instance, going back to the liver-pill circular, I had the symptoms, beyond all mistake, the chief among them being “a general disinclination to work of any kind.”

What I suffer in that way no tongue can tell. From my earliest infancy I have been a martyr to it. As a boy, the disease hardly ever left me for a day. They did not know, then, that it was my liver. Medical science was in a far less advanced state than now, and they used to put it down to laziness.

“Why, you skulking little devil, you,” they would say, “get up and do something for your living, can't you?” — not knowing, of course, that I was ill.

And they didn't give me pills; they gave me clumps on the side of the head. And, strange as it may appear, those clumps on the head often cured me — for the time being. I have known one clump on the head have more effect upon my liver, and make me feel more anxious to go straight away then and there,

— Вот именно аптека! Будь у меня гостиница с рестораном, я мог бы помочь вам, а теперь — извините. Я аптекарь, а не трактирщик!

Я развернул рецепт и прочел:

«1 порция бифштекса и 1 бутылка портеру каждые 6 часов. По утрам гулять не меньше двух часов.

Ложиться спать ровно в 11 и не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я в точности исполнил предписание доктора, и результат получился блестящий — для меня лично, так как я до сих пор жив и не собираюсь пока умирать.

В данном случае, если мы возвратимся к рекламе пилюль для печени, симптомы, вне сомнения, оказывались налицо, причем главным из них было «общее нерасположение к работе какого бы то ни было рода».

Никаким языком не выразить, как я страдаю в этом отношении. Я был мучеником с самого раннего детства. В отрочестве едва ли я знал день отдыха от этой болезни. В то время не подозревали, что она происходит от печени. Наука медицины не достигла еще тогда теперешнего развития, и все сваливали на лень.

— Ах ты, скверный бесенок, — бывало, говорят мне, — поворачивайся-ка, потрудись-ка и ты за хлеб насущный! — не зная, разумеется, что я болен.

И пилюлями меня тогда не кормили, а кормили тумаками по голове. И, как это ни покажется странным, но эти тумакки нередко излечивали меня — по крайней мере на время. Случалось, что единственный тумак по голове имел больше действия на мою печень и внушал мне больше нетерпения